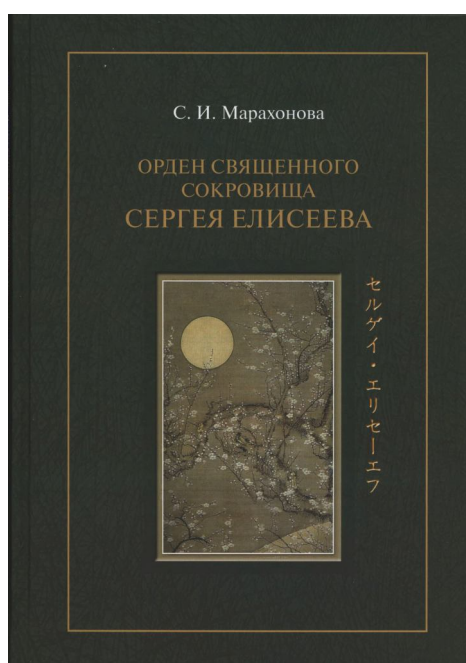

КНИЖНАЯ ПОЛКА**О книге «Орден священного сокровища
Сергея Елисеева»**

А.Н. Мещеряков

Марахонова С.И. Орден священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения / Российская академия наук, Институт восточных рукописей (Азиатский музей).
СПб.: СИНЭЛ, 2016. 426 с.
ISBN 978-5-9908187-6-7

Ученые в нынешней России редко пользуются благосклонным вниманием биографов и издателей. Посмотрите последние публикации прославленной серии «Жизнь замечательных людей» – и вы убедитесь в этом. Там много бездарных царей и государственных деятелей (некоторых из них так и тянет назвать «государственными преступниками»), полководцев, писателей, артистов, религиозных активистов, проходимцев, спортсменов, чьих-то любовников и чьих-то любовниц, а вот ученых откровенно мало. Что уж тут поделаешь: такое в России сейчас настало время, интеллект сделался не в почете. Для обывателя, чей кругозор ограничен супермаркетом и телевизором, жизнь ученого непонятна и скучна. Чтобы следить за сверхзвуковой скоростью, с которой перемещается мысль, требуется любопытство и мозговая тренировка. А тренироваться-то особенно негде: бал правят полуграмотные и вороватые чиновники, циничные тележурналисты, информационные

«медведи», играющие на бесконечное понижение уровня понимания происходящего. На всякое предложение улучшить ситуацию ответ один: наш зритель (этот бином артикулируется с несक्रываемым презрением) этого не поймет.

Но и на этом информационном поле вдруг происходят чудеса. Рецензируемая книга – тому пример. Она посвящена первоклассному знатоку Японии, которому, как видно из названия, довелось стать одним из отцов-основателей американской японистики. Эта книга – первая в мире научная биография нашего выдающегося соотечественника.

Жизнь гуманитарного ученого малоинтересна обывателю, если его научная карьера складывается благополучно. Тогда гуманитарий имеет дело только с фолиантами, словарями и письменным столом. О Сергее Григорьевиче Елисееве (1889–1975) этого не скажешь. Время, в которое ему довелось (глагол «посчастливилось» как-то не ложится в строку) жить, трепало его по-настоящему.

Сын знаменитейшей купеческой фамилии Елисеевых, он отказался продолжать семейное дело и предпочел академическую стезю. Сергей Елисеев – первый иностранец, закончивший Токийский императорский университет и получивший по японскому языку балл, который во всем выпуске превзошли только четыре коренных японца. Во время пребывания в Японии он катался на мотоцикле, играл в театре Кабуки и популяризировал русскую литературу. Лишившись капиталов в результате революции, он стал нищим сотрудником раннесоветских научных учреждений и читал в голодном и холодном Петрограде лекции про чувствительных и не знавших нужды Хэйанских аристократов. Попал в тюрьму – только за то, что у него было высшее образование. Стал беглецом: добрые контрабандисты переправили Елисеева с женой и малолетними детьми через Финский залив. Обосновался во Франции, впервые перевел на французский язык произведения таких блистательных авторов, как Акутагава Рюноскэ, Нагаи Кафу, Танидзаки Дзюнъитиро – писателей, которые ныне безоговорочно признаны классиками. Однако во Франции Елисеев нуждался и не мог заработать, чтобы дать высшее образование своим сыновьям, и потому уехал на отхожий промысел в США, где практически с нуля создал японоведческую школу. Во время войны был консультантом в отделе пропаганды Управления стратегических служб США, стал одной из ключевых фигур, благодаря мнению которых армейское командование не сбросило атомную бомбу на Киото. После отставки в Гарварде Елисеев вернулся доживать свой век во Франции. Вернуться на родину он, естественно, не мог.

Но все эти повороты в судьбе Елисеева, конечно же, бледнеют перед трагедиями его российских (советских) коллег и товарищей. Блестящая плеяда зачинателей отечественной японистики была разогнана по углам или просто уничтожена. Н.А. Невский – расстрелян, Е.Д. Поливанов – расстрелян, Д.М. Позднеев – расстрелян, Н.И. Конрад арестован... Мартиролог «японских шпионов» может быть – увы! – продолжен.

Можно ли ответить на вопрос о том, удалось ли Елисееву реализовать тот творческий потенциал, который был дан ему природой? Такие случаи вообще редки, Елисеев – не исключение. Он очень много знал и умел, но написал немного, «основополагающих» трудов не оставил. Проблемы физического выживания, вхождения в иноязычную среду, организационные хлопоты, огромная педагогическая нагрузка не могли не сказаться. Однако не столь часто встречающийся у русских людей организационный дар он использовал

превосходно. Факты свидетельствуют: за 35 лет, начиная с 1895 г., японистические занятия в Гарварде посетил 61 студент, после того, как туда приехал Елисеев, институт Гарвард-Яньцзин, который он возглавил, превратился в ведущий центр мировой китаистики и японистики.

Книга написана так, как и положено быть написанной образцовой научной работе. Всякое утверждение документировано, количество сносок радует сердце всякого понимающего человека, каждый факт подтвержден источниками. Многие из них впервые вводятся в оборот. Приводимые в приложении дневник, записные книжки и письма дают прекрасное представление о литературном даре Елисеева, воссоздают фантазмагорию первых послереволюционных лет, закончившихся для Елисеева поистине детективным побегом. Автор поработал в архивах разных стран, посетил те места, которые связаны с жизнью его героя. Когда автор чего-то не знает, он честно признается в этом, что вызывает искреннее уважение. Образцовая научная работа, без всяких скидок на то, что автор не является по своему образованию японистом (суровый упрек нам, дипломированным японоведам).

Претензий к книге мало. Мне кажется, что, воссоздавая жизнь Елисеева, автор сознательно избегал острых углов. И если по отношению к приватной жизни Елисеева это может вызвать понимание, то применительно к жизни публичной – вряд ли оправдано. В книге приводятся похвалы Елисееву, которые расточает его знаменитый ученик Эдвин Рейшауер, но вот негативные оценки, данные Елисееву другим его знаменитым учеником – Дональдом Кином, остаются за бортом. По тонкому наблюдению Нумано Мицуёси, за претензиями Кина стоит конфликт между нарождавшейся современной гуманитарной наукой и прежними нестрогими подходами к культуре, которые практиковал Елисеев, будучи сам продуктом японской культуры и ее частью. На мнении Кина могла сказаться и личная нелюбовь Елисеева к американской цивилизации [1, с. 238–239]. Недаром заработанные в Америке деньги Елисеев тратил на обучение сыновей вовсе не в Америке, а в Париже, и до завершения своей американской академической карьеры заботливо сохранял за собой (без сохранения содержания) место в Сорбонне.

Можно только согласиться с мнением Нумано Мицуёси: Елисеев принадлежал к тому романтическому поколению первых японистов, которые еще не расчленили Японию на части, пригодные для углубленных «анатомических» исследований. Для Елисеева Япония была страной живой, ее миссия применительно к России (Европе) определялась им исходя из высших соображений. В 1920 г. он писал: «Знакомство с богатой и прекрасной по форме литературой Японии должно бережной рукою приподнять угол завесы над чужою душой; должно открыть нам ее красоту в иных отражениях человеческой мысли и помочь нам лучше понять Дальний Восток и тем увеличить многогранность нашей души» [2, с. 284]. Таким образом, С.Г. Елисеев воспринимал японскую литературу как отражение души японца, у которого есть чему поучиться европейцу. Для того расистского и не слишком политкорректного времени это был неординарный подход (С. Марахонова приводит к месту ряд уничижительных оценок японской словесности, которые принадлежали ведущим западным японистам того времени). Люди поколения Елисеева были знатоками и литераторами, они еще не стеснялись поверять читателю свои высокие сокровенные чувства, в чем состоит непреходящее очарование их сочинений.

К своим претензиям добавлю также и ощущение от названия, которое, на мой вкус, несколько игриво и делает чрезмерный акцент на американском периоде жизни героя. В самой книге Елисееву в Гарварде посвящено всего лишь около четверти основного текста.

Хорошая книга хороша еще и тем, что вызывает желание узнать больше. Лично мне хотелось бы узнать о том, какие чувства испытывал Елисеев по отношению к своей любимой Японии во время той ужасной мировой войны. Проживая в Америке, вряд ли он мог оставаться равнодушным, получая известия о том, как японцы истребляют американцев, а американцы – японцев. Думаю, что это стало еще одной душевной драмой, которую довелось пережить этому замечательному человеку.

Список литературы

1. *Нумано Мицуёси*. Эрисээфу то «сэкайтэкина нихон кэнкю»-но тихэй // Нитиро исёку-но гундзо 30. Токио: «Тоё сётэн», 2014.
2. *Елисеев С.Г.* Японская литература // С.Г. Елисеев и мировое японоведение. М., 2000.

Поступила в редакцию 30.12.2016

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор РГГУ и РАНХиГС. E-mail: meshtorop@yahoo.com

On the book “The Order of the Sacred Treasure of Sergey Eliseev”

A.N. Meshcheryakov

Received 30.12.2016

Author:

Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Russian State University for Humanities & Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: meshtrop@yahoo.com